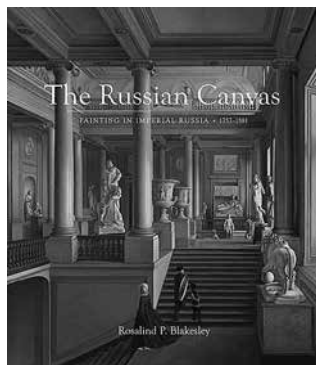

КНИГИ

Rosalind Polly Blakesley
**The Russian Canvas:
 Painting in Imperial Russia,
 1757–1881**

New Haven, London: Yale University
 Press, 2016

Андрей Шабанов

Самая ранняя академическая попытка представить западному читателю историю русской живописи была предпринята в авторитетном трехтомнике Рихарда Мутера «История живописи в XIX веке». Искусство Франции, Германии и Англии стало главной темой первых двух томов, в третьем же предлагалась более широкая панорама художественного процесса по обе стороны Атлантики. Так, искусство России оказалось в одной компании с искусством Бельгии, Голландии, Италии, Испании, Скандинавских стран и Америки. Оригинальное иллюстрированное немецкое издание вышло в 1893–1894 годах, за ним вскоре последовали русский и английский переводы. (Любопытно, что в это же время в музейной сфере произошло ровно противоположное: лучшие произведения русской живописи, которые с середины XIX века экспонировались в Эрмитаже в контексте других европейских школ, были переданы в открывшийся в 1898 году Русский музей императора Александра III.) Глава про русскую живопись в книге Мутера была написана совместно с Александром Бенуа и с его подачи. В 1916 году в Нью-Йорке на английском языке издается уже персональная работа Бенуа *The Russian School of Painting*. Столетие спустя выхо-

дит англоязычная монография Розалинд Полли Блейкли «Русский холст: Живопись в императорской России, 1757–1881»¹, которая во многом заново и с новой силой открывает для западного читателя историю зарождения и становления русской школы живописи.

Русской живописи XVIII–XIX веков был посвящен в советском искусствознании обширный корпус как специальных монографий и статей, так и общих, обзорных работ, в частности замечательная книга Абрама Эфроса «Два века русского искусства» (1969). На Западе интерес к русской живописи XVIII–XIX столетий явно уступал интересу к русской литературе и музыке того же периода, не говоря уже о популярности русского авангарда начала XX века. Если этот сюжет и затрагивался, то только в самых общих, обзорных книгах, например в монографии Джорджа Херда Хэмилтона *The Art and Architecture of Russia* (1954). За исключением одной важной работы, *Russian Realist Art: The State and Society. The Peredvizhniki and Their Tradition* Элизабет Валкенир (1977), все самые значимые западные исследования, касающиеся живописи в императорской России, появляются уже в постсоветское время: *The Petrine Revolution in Russian Imagery* Джеймса Кракффта (1997); *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia* Кристофера Илая (2002); *Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power* Ричарда Стайтца (2008); *The Wanderers and Critical Realism in Nineteenth-Century Russian Painting* Дэвида Джексона (2011) и др. К слову сказать, ни одна из этих работ не переведена на русский. В «Русском холсте» Блейкли впервые подытожены все эти важные отечественные и зарубежные исследования, интерпретации и традиции. Автор полностью восстанавливает для западного читателя недостающий фрагмент истории русского искусства длиной в полтора столетия, в ходе которого оно стало частью современной европейской визуальной и институциональной парадигмы.

«Русский холст» — итоговое издание, включающее как новые, так и уже знакомые специалистам тексты Блейкли за продолжительный

1 См. также интервью с Розалинд Полли Блейкли по случаю присуждения ей премии *The Art Newspaper Russia* в номинации «Книга года» (Розалинд Полли Блейкли: «Когда я впервые увидела русскую живопись, я подумала: почему мы ничего о ней не знаем?») / Интервью Милены Орловой // *The Art Newspaper Russia*. 5 апреля 2018 года. URL: www.theartnewspaper.ru/posts/5551; дата обращения: 27.04.2018).

период времени. Книга, бесспорно, закрепляет за автором статус одного из крупнейших западных экспертов по искусству императорской России. Начиная с самой ранней монографии, *Russian Genre Painting in the Nineteenth Century* (2000), центральный, сквозной сюжет большинства ее статей и книг — история взаимоотношений русского и западноевропейского искусства, возвращение русской живописной традиции в общеевропейский художественный контекст XVIII–XIX веков. Очевидно, что такая книга могла состояться у западного искусствоведа только в постсоветское время, когда открылся доступ к коллекциям живописи, архивам и литературе и стало возможным полноценное общение с российскими коллегами (авторская благодарность занимает несколько страниц). Интересно другое: могла ли такая монография для западного читателя быть написана сейчас российским исследователем? Если обратиться к самому яркому современному отечественному аналогу — «Другая история русского искусства» (2012) Алексея Бобрикова, то, при всей новизне интерпретации, историографически и методологически это очень изолированная, замкнутая на русскоязычных источниках и традиции, работа. Тексты Блейкли выгодно отличает их встроенность в международный исследовательский контекст, равное внимание к важным отечественным и западным научным трудам.

«Русский холст» предсказуемо начинается с истории основания Императорской Академии художеств, привившей в России новые, европейские, принципы централизованного, коллективного и регламентированного художественного образования и понимание статуса художника как представителя свободной, интеллектуальной профессии. Менее очевиден выбор 1881 года как рубежного момента в становлении русской школы живописи. Трагическое событие в политической жизни страны — убийство императора Александра II в результате теракта — принципиально не повлияло на вектор художественного развития. Но Блейкли справедливо замечает, что к началу 1880-х сложился значительный корпус оригинальных произведений, многие из которых к тому же представляли «русскую школу живописи» на Всемирных выставках, начиная с лондонской в 1862 году. (Парижскую Всемирную выставку 1855 года, где наряду с главной мануфактурно-промышленной ярмаркой впервые организуется самостоятельный отдел изящных искусств, Россия пропустила из-за Крымской войны.) Еще одним значимым событием в этом ряду

1. Николай Ге. *Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе*. 1871
Холст, масло. 136 × 173
Государственная Третьяковская галерея

оказывается выставка «Двадцать пять лет русского искусства» — первая официальная попытка взглянуть на русское искусство в исторической перспективе, предпринятая в рамках Всероссийской ярмарки в Москве в 1882 году.

В отличие от похожих отечественных обзорных работ, Блейкли последовательно помещает в целом знакомые (для специалистов и отечественного читателя) сюжеты зарождения и становления русской школы живописи в значимые институциональные, социальные и эстетические контексты. Рассматривая отдельные произведения

и биографии художников, автор отдает должное институциям и практикам, а также общему политическому климату и социальному устройству, в рамках которых или часто вопреки которым эти художники творили и состоялись. Помимо собственно Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества автор подробно касается практики заграничного пенсионерства, выставочной практики, художественного рынка, меценатских обществ и частных инициатив художников. Так, возможно впервые на английском языке, подробно освещены первые десятилетия деятельности Общества поощрения художеств, сыгравшего существенную роль в системе поддержки художников, популяризации искусства и создании альтернативной выставочной площадки. Одна из итоговых глав книги посвящена новейшим исследованиям, касающимся первого независимого выставочного объединения художников в стране, Товарищества передвижных художественных выставок. Но что самое ценное, на протяжении всего повествования Блейкли сопоставляет развитие русского искусства со схожими процессами и явлениями в Западной Европе. Неизбежно для исследования такого масштаба история разбирается автором с разной степенью убедительности и внимания к деталям, однако в итоге получилась едва ли не самая содержательная обзорная работа по русскому искусству XVIII–XIX веков — из всех когда-либо издававшихся на любом языке.

Кажется, единственный крупный сюжет, который не затронут в должной мере в книге Блейкли, — весомый корпус живописных произведений художников академического, салонного направления второй половины XIX века. Этот корпус привлекает сейчас все большее внимание в отечественном искусствознании: как в монографиях и статьях (например, в работах Елены Нестеровой), так и на музейных выставках. Возможно, недостаточное внимание автора к данному сюжету связано с тем, что салонная живопись слишком космополитична, чтобы стать частью русской школы. Но все же здесь было бы уместно и интересно отразить то, в какой степени произведения академического направления представляли национальную школу живописи на международных выставках и составляли ее канон в официальных кругах и в профессиональном сообществе.

Двигаясь от XVIII к XIX веку, Блейкли вместе с тем отказалась от традиционной для таких масштабных, обзорных работ строгой синхронности и хронологической последовательности в представле-

нии сюжетов и героев, не говоря уже об идее использования под рубрику «барокко», «классицизм», «романтизм», «реализм». «Русский холст» условно делится на две непропорциональные части: «Воспитатели» (*Educators*) и почти в два раза бóльшая «Спутники» (*Satellites*). Если первая из них в основном строится вокруг художественных образовательных учреждений и инициатив в столицах и провинции, то вторая — преимущественно о том, как складывалась судьба художников и их творчества по окончании учебных заведений. Такое разделение позволяет сравнить схожие судьбы, институции и явления, увидеть преемственность между ними, но порой это достигается не без потерь для общей стройности повествования.

«Русский холст» опубликован в едва ли не самом авторитетном англоязычном академическом издательстве, *Yale University Press*. Это высшая лига, попадание в которую вдвойне престижно как для автора, так и для русского искусства. Безупречно изданная и богато иллюстрированная, книга сближает западные и отечественные исследовательские позиции по истории становления русской школы живописи и послужит многим важной отправной точкой для дальнейшего критического осмысления тех или иных аспектов этой истории.